

некогда четкой грани между публично-правовыми и частноправовыми податями. Распространяется ряд податей (например, десятина с зевгарей), которые вряд ли можно однозначно отнести к публично-правовым или частноправовым. Они включали признаки и тех и других. Все это способствовало появлению скрытых юридически неоформленных форм личной несвободы париков.

Сочетание поземельной зависимости с прикреплением к тяглу и с развивающимися и устойчивыми, хотя и скрытыми, т. е. юридически неоформленными формами личной несвободы и обуславливало, как отмечалось, принятую в советской историографии характеристику париков как феодально зависимых крестьян.

Впрочем, вряд ли можно категорически утверждать, что личная несвобода парика не получила никакого отражения в правосознании современников. Тот факт, что парики могли поселяться на территории чужих владений только в качестве ксенопариков, становясь арендаторами, а иногда дважды париками, т. е. сохраняя свой статус париков, в ином же случае подлежали возвращению на прежнее место жительства, отражает не только заботу о сохранении *status quo* в поступлении налогов, но и стремление сохранить на территории владения как можно большее число рабочих рук. А это стремление всегда означало тенденцию к оформленному или не оформленному в юридическом отношении ограничению личной свободы. Характерно, что при продаже париками их наделов, т. е. в случае, когда подати за соответствующие земли поступали уже не с париков, а с покупателей земли⁵¹, сами парики, видимо, по-прежнему оставались на территории владения и исполняли паричские повинности.

Предписание о возврате беглых париков контрастирует с ситуацией, в которой при аналогичных условиях оказывались собственники земли. Они также были занесены в государственные кадастры и, как и парики, нередко разорялись⁵², не могли платить налоги и покидали свои земли, но не подлежали принудительному возвращению⁵³.

Это обстоятельство подтверждает предположение о том, что в византийском правосознании XIV—XV вв. личная свобода париков и личная свобода собственников не воспринимались как полностью идентичные состояния.

Однако в данный период вследствие отмеченной перестройки отношений крестьянского землепользования, происходившей в условиях нехватки надельной земли, парикия не играла большой роли. Аграрные отношения начинают определяться арендой и иными формами крестьянского землепользования, правовая структура которых иногда была аморфной. Это означает, что такой фактор аграрного развития, как нехватка рабочих рук, — а его воздействие в перспективе могло привести к появлению более четких правовых форм ограничения личной свободы париков — в условиях кризиса парикия стимулировал иные социальные процессы: развитие хотя и лимитированных по пространственному ареалу, но значительных числом миграций, которые охватывали как население, порвавшее со своими налоговыми обязательствами, так и париков и других представителей зависимого крестьянства, птохов, апоров и т. д.

⁵¹ Lavra, II, N 109. P. 275.945—946, 276.952—953.

⁵² Actes de Docheiariou. . . N 59. P. 298.1—3.

⁵³ Свободные налогоплательщики не могли также быть изгнаны или переселены. См.: MM, V. P. 77—84.